

Интересы, а не ценности; русская Европа, а не Евразия

А.И. Фурсов, кандидат исторических наук

Первое, о чем хочу сказать: я не разделяю распространенную среди многих интеллектуалов точку зрения о том, что ценности (или как теперь любят говорить, «менталитет») играют определяющую роль в истории. Иммануил Валлерстайн однажды заметил: «*Values are very elastic when it concerns power and profit*» — «Ценности становятся весьма эластичны, когда речь заходит о власти и прибыли». Власть и прибыль относятся к области интересов. Интересы — прежде всего, классовые — вот что, на мой взгляд, играет решающую роль, отодвигая религию, культуру и ценности на второй план. Христианский государь Франциск I в союзе с мусульманским государем Сулейманом Кануни воевал с христианским государем Карлом V.

Сегодня — по крайней мере, по негативу (отрицание нации-государства, других институтов Модерна) — интересы транснациональных корпораций и, например, исламских фундаменталистов совпадают — вплоть до того, что наблюдатели называют исламистов «цепными псами глобализации по-американски».

В то же время, носители одних и тех же ценностей, представители одной и той же религии со страшной силой истребляли друг друга — примеров тому не счесть. Поэтому даже в том случае, если бы ценности Западной Европы и России совпадали (в чем я очень сомневаюсь), из этого вовсе не следовало бы наличие общих интересов. Вообще же, разговоры об общих ценностях с Западом представляют (со времен пе-

чальной памяти горбачевской «концепции общеевропейского дома», куда на самом деле ни СССР, ни РФ пускать не собирались и не собираются) скорее акцию прикрытия некоей базовой операции. Базовая операция очевидна: включение тем или иным способом значительной части постсоветских господствующих групп в мировой капиталистический класс. Главный интерес значительной части постсоветских господствующих групп — «записаться в буржуинство». Это — базовая операция, которая, несомненно, провалится — надо совсем плохо представлять себе мировой капкласс и особенно его западный сегмент, насчитывающий несколько столетий истории, чтобы полагать иное. Акция прикрытия — это попытка убедить себя и других в наличии неких общих ценностей, которые, повторю, сами по себе ничего не гарантируют. Это первое.

Второй момент. Одним из наиболее успешных ходов Запада, его англосаксонского ядра, в исторической борьбе двух последних столетий было то, что его идеологи убедили весь (или почти весь) мир в том, что Европа и Запад — одно и то же. Те, кто купились на это в России и считали себя антизападниками, стали причислять себя и к антиевропейцам или, как минимум, азиатам или евразийцам. На самом деле Европа и Запад, европейская цивилизация и западная цивилизация — суть разные явления. Европейская цивилизация исторически существует в нескольких вариантах: античном, западном (который из средневекового франкского превратился в западный в буржуазном смысле), русском (превращенной формой которого был советский).

Русский исторический субъект — это европейский субъект, освоивший евразийское пространство; русские ценности — это европейские христианские ценности, а не исламские, буддийские или конфуцианские и не их смесь с христианскими; русская власть — это не восточный деспотизм, не системная, а субъектная форма власти; русская личность — это не совокупность функций, ролей-масок, не «контекст», а

«текст» и субстанция. Тезис о некоей евразийской цивилизации — это логическая и историческая подмена истории географией, субстанции — функцией.

Третий момент. Хочу откликнуться на призыв С.С. Сулакшина и порассуждать о том, что же действительно отличает нас от Запада. Думаю, это отличие носит намного более глубокий и многомерный характер, чем различие между православием и католицизмом (а затем и протестантизмом — этой иудаизированной версией католицизма).

Один из первых факторов, которые нас разделяют, заключается в том, что на Руси, в отличие от Западной Европы, вплоть до прихода Орды, не произошло разделения мирных и военных трудовых функций. Своим студентам я часто задаю вопрос: почему герои западноевропейского эпоса — короли, герцоги, рыцари, а герои русских былин — богатыри — прежде всего простые люди. Что же до князей, то они нечасто появляются на первом плане, а если и появляются, то либо в качестве «неоднозначных» персонажей (Владимир — Красное Солнышко), либо явно проигрывают на фоне других героев («Вольга и Микула»). В чем причина? Почему в киевских летописях даже в XII в. мы постоянно встречаем вооруженный простой люд, тогда как на «франкском Западе» уже в IX–X вв. народ был по сути разоружен и несколько рыцарей могли разогнать не несколько десятков, а несколько сотен крестьян?

Причина — в наличии степного фронта. Чтобы отогнать от города хазар, печенегов и половцев, не хватало даже киевской, самой многочисленной дружины в 800–1000 человек, нужно было вооруженное городское ополчение; а, как заметил И.Я. Фроянов, автор блестящих исследований по киевской истории, вооруженный человек — плохой объект для эксплуатации. Только Орда обеспечила русским князьям ту «массу насилия», которая была необходима для подавления населения, но это произошло во второй половине XIII в., когда былинский цикл с его героями-богатырями уже сложился. Отсутствие четкого разделения мирных и военных трудовых

функций тормозило развитие классов (даже в «докапиталистическом» смысле этого термина) и делало общество Киевской и Владимирской Руси намного более демократичным по сравнению с современным ему западным.

Немаловажным было и наличие огромного массива свободных земель. Этот фактор тоже тормозил классовое (марксист сказал бы — феодальное, но в реальности русская история не знала и не могла знать феодализма) развитие в двух отношениях:

- 1) крестьянам всегда было куда бежать;
- 2) верхушке, в отличие от Западной Европы, не надо было отбирать у крестьян ни пахотную землю, ни пустоши, ни лесные угодья (в частности, именно последние стали причиной конфликта защитника крестьян Робина Гуда и шерифа Ноттингемского — на Руси такой конфликт практически не представим).

К тому же, вплоть до XI в., до прихода турок-сельджуков в Малую Азию и «засорения» половецями Северного Причерноморья, главным источником богатства русских князей были торговля («путь из варяг в греки»), движимое имущество, а не земля и эксплуатация тех, кто ее обрабатывает.

Отсутствие свободной земли в Западной Европе при уже свершившемся разделении мирных и военных трудовых функций, отсутствие такого источника дохода, как торговля, заставили сеньоров довольно быстро перейти в социальное наступление на деревню («сеньориальная революция» IX–X вв., т. е. генезис феодализма в строгом смысле слова), а затем и на города, что вызвало реакцию последних («коммунальная революция» XI–XII).

Нехватка земли, а, следовательно, ограниченные возможности экстенсивного развития сделали западную версию европейской цивилизации технически ориентированной, а феодализм — интенсивной системой с самого их «франкского» начала. Я имею в виду сельскохозяйственную революцию VII–VIII вв. — изобретение тяжелого плуга и

первую промышленную революцию на Западе XI–XII вв., в результате которой Запад покрылся мельницами (ударный труд цистерцианцев) и которая замечательно описана Ж. Гимпелем. Пространственная ограниченность, «зажатость» Запада определила технический вариант развития этой цивилизации.

Еще один аспект различия, тесно связанный с развитием права — одного из важнейших элементов западной цивилизации уже на феодальной стадии последней, заключается в следующем. В Западной Европе вассалитет носил «политический» характер, а потому споры решались на правовой основе, что было дополнительным стимулом развития права. На Руси, как отмечают исследователи, генеалогический вассалитет не обособился от родственного — Рюриковичи правили Русью как единое целое, как семья, главным образом, по родовым принципам («удельно-лествичная система»). Такой порядок, наряду с другими факторами, не способствовал развитию права и других форм, связанных со временем.

Так, в русской истории значительно меньшую роль, чем в западной, играл овеществленный труд («накопленное время»). Это было обусловлено, с одной стороны, возможностями экстенсивного развития, с другой — низким уровнем «избыточного», а точнее — совокупного прибавочного продукта. Последний фактор в огромной степени определил вектор развития русской истории. Суть в том, что при невысоком уровне «избыточного продукта» оформление на Руси/в России западоподобных форм — феодализма (теоретически) и капитализма (практически) — возможно лишь за счет отчуждения у населения не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта. Это ведет — и русская история конца XIX — начала XX вв. и конца XX — начала XXI вв. свидетельствует об этом со всей очевидностью — к экономическому упадку, социальному распаду и насилию. Иными словами, западнизация России, прогресс западнизма здесь есть мерило регресса и упадка.

Следующий блок причин различий между Россией и Западом — влияние Орды и (в значительно меньшей степени) Византии. 250 лет контактов с Ордой заложили фундамент (и задали инерцию формирования на Руси) невиданной ни на Западе, ни на Востоке автосубъектной надзаконной власти, первой исторической формой которой было самодержавие, первой структурой — Московское царство, а средством возникновения/создания — опричнина. Греческие религиозные формы стали внешним обрамлением этой власти (никонианская реформа), оттолкнувшая от этой власти наиболее субъектную часть населения (раскол). Никонианское православие, рвавшее с традицией, таким образом лишь оформило принципиальное отличие русского варианта исторического развития от западного.

В XVI–XVII вв. в Западной Европе и Северо-Восточной (русской) Европе возникают принципиально разные исторические типы европейского субъекта: капитал и государство — в одном случае и автосубъектная власть — в другом. Запад проходит через циклы накопления капитала (голландский, британский, американский) и, соответственно, через несколько гегемоний — Нидерланды, Великобритания, США. Россия проходит через параллельные западным циклы накопления, но не капитала, а власти (московской, петербургской, коммунистической) и адекватные им структуры. Аналогичным образом Запад и Россия в своем развитии в эпоху Модерна представлены двумя параллельными системами — Старый Порядок и капитализм *versus* самодержавие и коммунизм; при этом последний выступает как двойное отрицание — и самодержавия, и капитализма, в который начала интегрироваться пореформенная Россия.

Далее. В Западной Европе в XVI–XIX вв. народ превратился в нацию, т. е. такую форму социоэтнической организации, базовым элементом которой является индивид (нация не может состоять из племен, общин, кланов, полисов, каст — только из индивидов); при этом господствующие группы

Запада в четырехсотлетней психоисторической войне с собственным населением сумели навязать ему свои классовые ценности как **общенациональные**, т. е. обеспечить «культурную гегемонию» (А. Грамши). Как заметил А.С. Пушкин, английский мужик уважает своего барина, принимает его превосходство, воспринимает господ как «his betters» (выражаясь словами Гоголя, как тех, «кто почище-с»), а русский мужик — нет. И неудивительно.

Русское дворянство не только не смогло навязать народу свои ценности, но вообще обособилось от него. С XVIII в. в России существуют два социокультурных уклада — западный (дворянский) и русский (крестьянский), два уклада с разными ценностями и даже с разными языками. Более того, индивидуализированное дворянство превратилось в подобие нации — но не русской, а полурусской-полузападной, а потому нежизнеспособной в долгосрочной перспективе ни экономически, ни политически, ни социокультурно (позднее эта печать легла на русскую интеллигенцию, которая, представляя собой продукт разложения самодержавного строя, во многом не была русской не только в социокультурном отношении, но и по этнической принадлежности). На Западе же слой интеллектуалов был своим, национально ориентированным. Отсюда и специфика русского революционного движения вообще и большевизма в частности, их отличие от западного.

Наконец, последнее по счету, но не по значению: наши различия с Западом резко усилились в последние 150 лет в связи с превращением Запада в ядро мировой капиталистической системы. Причем противоречия эти характеризовали обе модели включения России в мировую систему — как «модель Александра II», так и «модель Сталина» (последнюю, естественно, в намного большей степени).

В рамках «модели Александра II» («белая империя») Россия и, естественно, ее господствующие группы выступают в качестве элемента капиталистической системы, причем

элемента, выполняющего функцию сырьевого придатка и финансово зависимого. Эта модель характеризуется ужесточением эксплуатации населения господствующими группами **вместе** с властью, которая олигархизируется, утрачивает контроль над общественными процессами (в последних распад, социальная дезорганизация начинают доминировать над организацией); как следствие — социальная напряженность, восстания, революции, гражданская война, короче — смута, угроза распада и десоверенизации страны. Но даже в полупериферийном состоянии («модель Александра II») у России имелись существенные противоречия с Западом, обусловленные противоречием между державным (имперским) политическим статусом России и ее экономической полупериферийностью. Запад стремился снять это противоречие, приведя политику (государственность) в соответствие с экономикой, т. е. ослабить и развалить Россию (война, революция), окончательно решить «русский вопрос».

В рамках «модели Сталина» («красная империя») Россия функционирует как антисистема, как системный антикапитализм, основой которого являются мощный военно-промышленный комплекс и контроль властного центроверха над населением, прежде всего — над верхушкой (номенклатура) в виде ранжировано-иерархического потребления. При этой модели противоречия Россия — Запад достигли максимума, поскольку на первый план вышла классовая составляющая, представленная двумя взаимоисключающими глобальными проектами.

Слабость модели «красной империи» заключалась в том, что в коммунистическом порядке, являющемся основой «модели Сталина», заложена тенденция к фрагментации власти и ослаблению центроверха (подробно я описал эти характеристики в работах «Кратократия» и «Взлет и падение перестройки»), в ней работает механизм, препятствующий формированию настоящей властной элиты мирового уровня. В результате, «в шестидесятые — гордые-пузатые» советская верхушка не

только проморгала экономическую победу СССР над США, но начала сырьевую интеграцию в капиталистическую систему, завершившуюся развалом СССР и возвращением к «модели Александра II» в худших условиях, в фарсовой форме и с намного более трагическими последствиями, чем в начале XX в.

Показательно, что отказ РФ от антисистемности СССР, сырьевая и финансово-зависимая реинтеграция в «буржуинство» не сделали РФ своей в глазах Запада, он воспринимает и будет воспринимать ее как нечто чуждое и потенциально опасное до тех пор, пока она существует. Главное здесь заключается в том, что Россия — это именно **европейский и христианский субъект, альтернативный Западу**, — Западу, который стремительно дехристианизируется и деевропеизируется (в культурном и расовом отношении; о социобиологической деградации — рост дебилизма и психических заболеваний — я уже и не говорю). Ситуация в отношении России не изменится даже в том случае, если в постзападных Европе и Америке к власти придут небелые властные элиты. *«Мы для них чужие навсегда»*, — как пел Вертинский. А потому, как говорили древние, *«Si vis pacem, para bellum»* («Хочешь мира, готовься к войне»).